

*Посвящается моей маме —
я очень тебя люблю и скучаю*

ЧАСТЬ I

*Новостное агентство «Пресс ассошиэйшн»
18 января 2020 года*

Последние новости: Гражданин Британии погиб на лыжном курорте Ла-Мадьер, Франция. Подробности неизвестны. Ожидайте дальнейших сообщений.

Конец

1

Декабрь 1998 года, Ла-Мадьер, Франция

Ненавижу таких типов. Являются в отпуск раз в год, с новехонькой экипировкой — «Саломон», «K2», — и думают, что всё тут знают. Они меня бесят. Что вообще эти люди могут знать?

— Значит, сегодня мы хотим спустаться вне трассы. Бэк-кантри. Где еще никто не ездил. Чтобы поэкстремальнее. Понимаете, что я имею в виду? — говорит один из них с сочным акцентом.

Да, я знаю, что ты имеешь в виду. Ты решил, что тебе такое под силу, потому что ездил пару раз в горы, когда учился в престижной школе, а теперь непыльная работенка в Сити позволяет тебе кататься дважды в год. Так

вот, ты ошибаешься. И именно поэтому вынужден платить кому-то вроде меня, кто реально знает, что делает, за то, чтобы провести тебя по склону. Ведь ты, несмотря на дорогущую амуницию и жалкие попытки использовать подходящий жаргон, понятия не имеешь о горах. От слова совсем.

Но, конечно, я этого не говорю. Они же клиенты, в конце концов. Вместо этого просто киваю:

— Ок, никаких проблем. Есть одно подходящее место.

С приклеенной улыбкой я отвечаю на их бессмысленные предсказуемые вопросы, пока мы на подъемниках добираемся до верха. Да, жить на лыжном курорте классно. Да, я тут круглый год. Вру насчет того, сколько я уже здесь, — это не их дело. Нет, я не собираюсь возвращаться в Британию и тэ дэ и тэ пэ. Я люблю горы. Здесь мой дом. И моя работа была бы почти идеальной, если б не клиенты.

На вершине нас встречает ветер силой не меньше 8 баллов. Менее самоуверенный из моих подопечных — я не потрудился запомнить их имена, — строит гримасу, когда нас атакует очередной порыв.

— Черт, ну и дубак! — кричит он.

Второй, с виду немного старше — хотя тут трудно судить, потому что они по уши замотаны в шарфы, — хлопает его по спине и хохочет:

— Ты что как девчонка! В этом же самый смак!

Я опускаю очки, натягиваю пониже шапку и защелкиваю крепления ботинок. Двое моих клиентов до сих пор возятся с перчатками. «Ну же, скорее!» — мысленно поторапливаю их. Я сейчас околею.

— Эй! — окликает меня парень в куртке с логотипом, один из назойливых менеджеров туристической компании, которые меняются чуть ли не каждый год, топая к нам по снегу. — Ты выводишь их на склон?

— Ну да, собираюсь, — отвечаю я, хоть это не его дело.

Он морщится.

— Надеюсь, они понимают, что делают.

«И надеюсь, что ты тоже понимаешь», — вот что он хочет сказать.

Закатываю глаза — он этого не видит, потому что на мне очки.

— Я бы их не повел, если б не был уверен, — окорачиваю его я. — Мы провели оценку рисков, они подписали все нужные документы.

— Хм... ну, они и мои клиенты тоже. Случись что — кучу бумаг заполнять придется, — предупреждает он. Как будто его бумаги меня интересуют.

— Ребята! — кричит менеджер (кажется, его зовут Ричард) своим клиентам, которые наконец-то, слава те, Господи, надевают лыжи.

— Вы там поосторожнее, хорошо?

— Само собой, — откликается старший. — Можем стартовать?

И тут появляется Энди, мой партнер по бизнесу. В который раз я жалею, что не основал «Ски-тастик» в одиночку.

— Ты что тут делаешь? — спрашиваю я. Наверняка Энди проверяет, чем я занимаюсь.

— Мои клиенты отменили спуск. Сказали, слишком холодно. Мне как, поехать с тобой?

Я предпочел бы спуститься один — не хватало только Энди, чтобы за мной присматривать и комментировать каждый шаг, — но мне и самому ясно, что нельзя произвести это вслух и выглядеть разумным. Поэтомужимаю плечами и бормочу:

— Как хочешь. Мне без разницы.

И мы начинаем спуск.

Видимость отвратительная. Она и наверху была так себе, но на склоне ветер ударяет прямо в лицо. Как я и предсказывал, мои клиенты справляются едва-едва. Они оба отметили в анкете пункт «многократное прохождение черных трасс» — ну конечно. Слепому ясно, что это вранье. Я пообещал им бэк-кантри, но на самом деле спуск куда проще — к счастью, для них. Я знал, что ни о каком хардкоре и речи быть не может. «Черный коридор», как его называют, на самом деле, конечно, не коридор, а просто крутой узкий склон. Официально это не трасса, но максимально мягкая не-трасса из всех, какие могут быть. Если вы знаете, что делать — а я знаю, — то стартуете от верхней точки канатки и выныриваете у нижней, ничего особенного. Никаких прыжков, никакого наста. Вообще не о чем волноваться. Но поскольку мы над ледником, эти лузеры смогут хвастаться, что «съезжали по коридору прямо через ледник», когда вернуться в свои жалкие тесные офисы, университеты или где они там работают. Я вижу их насквозь.

Естественно, по ним никак не скажешь, что они получают удовольствие. Энди немного задерживается, предупредив, что будет «подбирать отстающих», и предоставляет мне возглавить спуск. Один из клиентов, осторожно встав на трассу, едет следом за мной, но второй обго-

няет нас, думая, видимо, что он такой особенный, раз не боится спускаться быстро, хотя на самом деле просто не контролирует скорость. Это не круто и не умно, а откровенно опасно. Энди пронесится мимо меня, и я команду:

— Задержи его! Он не знает, куда едет! — Но рев ветра заглушает мои слова.

— Это сложнее, чем я ожидал, — кричит первый, более медленный.

Он пытается держаться уверенно, но в его голосе я слышу дрожь. Знаю, что должен бы сказать: «вы отлично справляетесь», но не могу себя заставить, потому что... это не так. Любезностью у нас отличается Энди, не я. Это единственная причина, по которой у меня есть бизнес-партнер. В отличие от Энди, я не особенно дружелюбен. Я здесь только ради гор, и клиенты для меня — неизбежное зло. Зато Энди обожает болтать с ними: показывать Монблан, хвастаться тем, что горы и есть наш офис, расписывать, какая прекрасная у нас работа — лучшая в мире, и всё в таком роде. Поэтому вместо того, чтобы утешить страдальца, как сделал бы мой партнер (то есть соврать), я поворачиваюсь и просто говорю: «Следуйте по моей лыжне. Не отдаляясь».

Мы нагоняем второго парня, которому хватило-таки ума притормозить, но после короткой беседы о том, как важно учитывать свои возможности, я продолжаю спуск, теперь уже с большей скоростью, чем следовало бы при данных обстоятельствах, чтобы наверняка оставаться впереди. Он меня не перегонит — как спортсмен, я выше его на голову, да и к тому же я тут за все отвечаю. Они должны держаться за мной, ехать по моим следам —

я им уже говорил. Зачем было меня нанимать, если они не собираются следовать инструкциям?

Энди, как назло, нигде не видно — наверняка летит сейчас стремительно вниз. Делаю еще пару поворотов, опять быстрее, чем надо, чтобы клиенты меня не обогнали, и оглядываюсь, чтобы проверить, где они.

И понимаю, что оба исчезли.

2

Январь 2020 года, Ла-Мадьер, Франция
Реа

— Шампанского? — спрашивает потрясающе красивая девушка в рубашке поло с неброским логотипом на груди; в руках у нее поднос с высокими серебряными бокалами. Я улыбаюсь и беру один.

— Благодарю.

— Как вы до нас добрались? — мурлычет она, и — как ни удивительно — правда ждет ответа.

— О... Отлично. Спасибо.

— Я Милли. Буду обслуживать вас в вашем шале всю неделю, и если вам что-то понадобится — что угодно, — просто дайте мне знать.

Легкий сквозняк знаменует появление Хьюго, который входит в дверь и по-хозяйски кладет руку мне на талию. Я вздрагиваю.

— Шампанского, сэр? — говорит девушка, протягивая ему поднос, и повторяет: — Я — Милли, и если вам что-то понадобится...

— Здорова, — отвечает он.

— Может быть, присядете у камина, а Мэтт пока принесет ваши вещи? — продолжает Милли.

— А я угощу вас канапе. Остальные должны приехать в течение часа; наверное, лучше дождаться их, прежде чем подавать ужин?

Кивнув, она разворачивается и скрывается за деревянной дверью, видимо, ведущей в кухню.

Мы с Хьюго усаживаемся рядышком на один из громадных диванов у полыхающего огня. Я делаю щедрый глоток шампанского, Хьюго медленно тянет из своего бокала.

— Ничего себе местечко, да? — говорит он.

Действительно... Одна стена в доме полностью стеклянная, и хотя сейчас уже темно, вид на долину, переливающуюся огнями, просто поразителен. Уверена, днем будет еще красивей. Гостиная с двойным светом, каменные стены, большущий обеденный стол с мраморной столешницей, повсюду роскошные шкуры. Когда мы приехали, у входа горели настоящие факелы.

— Да, местечко ничего, — соглашаюсь я.

До встречи с Хьюго я в таких никогда не бывала.

— Здорово ты придумала приехать сюда, — замечает он.

— Я знала, что тебе понравится, — откликаюсь я равнодушно.

— Наверняка и Саймону понравится тоже, — добавляет он. — Очень... достойно.

— *Достойно?* — переспрашиваю я, безуспешно пытаясь скрыть сарказм. — Серьезно?

Хьюго обижается, и на мгновение мне становится неловко. Конечно, он может быть утомителен, но в целом действует из добрых побуждений. Эта неделя для него очень важна, и я это знаю.

— Кто он такой, особа королевских кровей?

— Ладно, может, «достойно» не совсем верное слово, — бормочет Хьюго. — Но если Саймон хорошо проведет эту неделю, у нас будет куда больше шансов продать ему долю в компании. Ты же знаешь, как это бывает.

Я киваю, прикидывая, не померещился ли мне скрытый за этими словами подтекст: «Так что веди себя как следует и не вздумай поставить меня в неловкое положение».

Он берет меня за руку.

— Теперь ты рада, что поехала со мной?

Я поворачиваюсь к нему и улыбаюсь.

— О да. — Чистая ложь.

* * *

Саймон прибывает около часа спустя и оказывается ровно таким, каким я его себе представляла, — обрюзглым, краснолицым и громогласным. Прядь волос, прикрывающая лысину, кажется крашеной. Его жена Кэсс, наоборот, опровергает мои ожидания: она лет на двадцать младше нас всех — вполне могла бы приходиться Саймону дочерью, — с шикарными светлыми волосами и, что самое удивительное, крошечным младенцем на руках. О ребенке Хьюго не упоминал. За ними следует еще одна девушка едва за двадцать, как и Кэсс, — видимо, няня.

После традиционных хлопков по плечу и легкой пикировки (между Хьюго и Саймоном), воздушных поцелуев и восторгов в адрес ребенка (восторгаемся мы с Кэсс, я — неискренне) няня — ее зовут Сара — уносит крошку Иниго, и мы усаживаемся ужинать за гигантским столом.

Ужин роскошный. Опять шампанское с изысканными закусками, потом воздушнейшее суфле, перепелки с картофелем-дофин и ассорти десертов. Ну и, конечно, вино рекой.

Я думала, что обычно девушки, обслуживающие шале, ужинают с гостями, но выясняется, что наше шале не такое. Конечно, надо было догадаться. Даже не догадаться, а знать, ведь это я занималась бронированием. Милли неслышно перемещается между столом и кухней, приносит блюда, забирает пустые тарелки, подливает вино и воду, чтобы ни у кого не стоял пустой бокал. Саймон зычно что-то рассказывает — я не прислушиваюсь, — и Хьюго то заходится смехом, то поддакивает изо всех сил. Я ощущаю укол ненависти, который сразу сменяется чувством вины. Я знала, во что ввязываюсь, когда выходила за него замуж. Он тут ни при чем.

За ужином мы с Кэсс поддерживаем вежливую беседу. Она милая, но скучная. Я расспрашиваю ее про ребенка, хотя во всем мире не найдется человека, менее интересующегося младенцами, чем я, и Кэсс отвечает — любезно, но как-то отстраненно. До рождения Иниго она занималась кейтерингом. Пока не решила, вернется ли на работу, но скорее всего, нет; Саймон настаивает на том, чтобы